

Даниэль КАМАРИ

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ И БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ

Аннотация

Определённых успехов в борьбе с бедностью удалось достичь в некоторых странах (Россия, Казахстан, Белоруссия) в начале 2000-х годов. Однако после мировых финансовых кризисов (2008–2009 и 2014–2015 гг.) темпы сокращения бедности замедлились. Общая угроза требует принятия более решительных мер по борьбе с бедностью. Одной из таких мер является продолжение гармонизации законодательства на уровне налогообложения в ЕАЭС.

Введение

Тенденция по регионализации торговли неуклонно растёт. Об этом свидетельствует ускоренная интеграция стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Искать причину столь бурных изменений

не следует в мировых финансовых кризисах (2008–2009, 2014–2015 гг.). Связи стран, входящих в ЕАЭС, имеют глубокие исторические корни, которые, несмотря на распад СССР, не были прерваны. Глобаль-

КАМАРИ Даниэль Михайлович – член Вольного экономического общества России. **Адрес:** Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 22А. **E-mail:** danikamari@mail.ru

Ключевые слова: интеграция, бедность, ЕАЭС, налогообложение, прогрессивный налог, депривационная бедность, кредиты, финансовый кризис.

ные финансовые потрясения дали лишь небольшой толчок к восстановлению отношений между странами, которые давно ждали подходящего для этого случая. С момента создания в 2014 г. ЕАЭС и до сегодняшнего дня идут разговоры о возрастании роли этого союза на Евразийском континенте. Эти разговоры подкреплены серьезными данными. В 2018 г. экспорт российских товаров в страны ЕАЭС составил более 37,7 млрд долл., а товарооборот между странами-участниками – 59,7 млрд долл. [3; 5]. Карантин и падение цен на нефть в 2020 г. нанесли урон по региональным экономическим союзам по всему миру, в том числе и по ЕАЭС. На январь – февраль 2020 г. сумма взаимной торговли составила 8,2 млрд долл. Это на 3,6 % меньше от уровня 2019 г. (январь – февраль) [6; 14]. Примечательно, что с 2016 г. объем внутреннего товарооборота неуклонно рос, что свидетельствует о достаточно высоком потенциале развития, способствующем преодолению этого кризиса. Тем не менее есть немало проблем, которые до сих пор не решены в рамках укрепления сотрудничества стран – членов ЕАЭС:

- разработка механизмов борьбы с коррупцией¹;
- сокращение тарифных барьеров;
- продолжение работы по гармонизации внутрисоюзного законодательства;

– утверждение стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2030 и 2035 гг. и др.

Существует ещё ряд крупных угроз, сильно недооценённых Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Одна из них – борьба с бедностью в странах – участниках ЕАЭС. Причина недостаточного внимания к этому вопросу остается неясной. Многие экономисты слишком оптимистично смотрят в будущее. Так, по подсчётам М. Равальона (2013), мировому сообществу понадобится 50 лет, чтобы побороть экстремальную бедность [18, С. 139–158]. Но так ли всё хорошо? Вероятно, благоприятные статистические данные по борьбе с бедностью в мире ослабляют реальную важность этой проблемы. Если в 2000 г. около 20 % жителей планеты жили за чертой бедности и тратили меньше 1,9 долл. в день, то к 2015 г. это число сократилось до 10 %. В 2018 г. по всему миру число живущих в условиях экстремальной бедности снизилось до 7,5 %. Но из-за карантинных мер в 2020 г. эти успехи обернулись возвратом к показателям пятилетней давности [17]. Благостная картина создаётся и при изучении показателей отдельных стран. В России за восемь лет (2000–2008) удалось снизить бедность более чем вдвое. Однако начиная с 2008 г. значимых результатов не удалось достичь. Лучшие показатели борьбы с бед-

¹ Согласно данным аналитического доклада «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perception Index) за 2019 г., уровень коррупции в странах, входящих в ЕАЭС, достаточно высок.

ностью приходится на 2012–2013 гг. Тогда бедность сократилась до 15,4–15,5 % [11]. При этом начата Россией в 2014 г. активная политика по импортозамещению, похоже, никак не повлияла на снижение уровня бедности. В других странах ЕАЭС, например в Армении и в Казахстане, наоборот, активизация

региональной торговли существенно сократила безработицу и число людей, живущих за чертой бедности. Властям Армении за четыре года (2014–2018) удалось снизить на 6,5 % число малоимущих [10]. Такие результаты свидетельствуют о серьезных изменениях, которые происходят в этих странах.

Бедность с другого ракурса

И всё-таки понятие «бедность» достаточно широкое, чтобы трактовать его однобоко. Взглянуть на него можно под разными ракурсами, так как существуют традиционные (Всемирный банк) и нетрадиционные подходы к измерению бедности, в частности в отношении явления «относительной бедности» (*relative poverty*). Учёные-экономисты – приверженцы нетрадиционных методик либо занижают показатели Всемирного банка (Х. Сала-и-Мартин) [19, С. 1–68], либо, наоборот, завышают. С. Редди и Т. Погге считают, что специалистами Всемирного банка бедность занижается на 30–40 % [16, С. 42–85]. Р. Каплински соглашается с последними. При этом он считает, что процент занижения составляет менее 30 % [14, С. 37]. Очень популярной в России является методика измерения бедности по ограничениям в доступе к жизненным благам (депривационная бедность). Согласно исследованию, проведённому сотрудником ИНСАП РАНХиГС Е. Гришиной, около 35

млн россиян находятся в депривационной бедности [1, С. 1–10]. Это почти в два раза больше официальной статистики по бедности в России на сентябрь 2020 г. – 13,5 % (19,9 млн чел.) (таблица 1). В то же время, по мнению этого исследователя, депривационная бедность с 2000-х гг. существенно сократилась [1, С. 1–10].

Как бы то ни было, бедность всё-таки идёт по нарастающей траектории в странах ЕАЭС. По данным аналитического доклада Всемирного банка, в 2020 г. в Казахстане число людей, живущих за чертой бедности, составило 800 тыс. чел. [7]. Официальные статистические данные о бедности в этой стране очень спорные (таблица 1). Такая же ситуация и по другим странам – участникам ЕАЭС. По мнению О. Мазоля, реальный уровень бедности в Белоруссии сильно занижается – по его подсчётам, примерно в четыре раза [5, С. 1–10]. Невероятно низкие показатели зафиксированы официальной статистикой в Киргизии. В Узбекистане также поразительно

низкие показатели бедности. Несмотря на это, все по-прежнему единодушно согласны с тем, что есть положительная тенденция по сокращению бедности. Но мало кто задаётся вопросом, каковы жертвы, к которым прибегают для борьбы с бедностью. Нет ответа и на вопрос о том, почему при увеличении уровня безработицы показатели благополучия столь высоки. Между прочим, во время карантина и в Европе, и в Америке безработица в некоторых странах колебалась между 11–14,7 %. Самые высокие показатели были у США – 14,7 %. Но эти данные, как и в случае с бедностью, относительны. В Европе карантинные меры привели к массовому кредитованию населения. Каковы будут последствия всего этого, ещё неизвестно, но аналитики МВФ точно знают о том, что ВВП многих стран снизится до –8 %. Чтобы справиться с постпандемическим кризисом на континентальном уровне, Всемирный банк, МВФ и Европейский центральный банк выделяют многомиллиардные кредиты странам Латинской Америки, Африки и Европы. Наиболее благополучные по борьбе с бедностью страны (Дания, Швеция, Корея и др.) имеют самые высокие показатели по задолженности домашних хозяйств. Разница между реальными доходами и задолженностью по кредитам растёт непрерывно. В США с 1946 по 2013 г. задолженность домохозяйств по отношению к реальным доходам выросла в шесть раз [15, С. 1–66]. При общем снижении

доли закредитованных домохозяйств с 74 до 69 % медианная задолженность домохозяйств США с 2000 по 2011 г. выросла с 50 971 [+/–1165 долл.] до 70 000 долл. [+/–1199 долл.] [20]. Подобная ситуация постепенно складывается и в России. За последние несколько лет (2017–2020 гг.) граждане перекредитовываются. Общая задолженность нефинансовых организаций и домашних хозяйств в России к июлю 2020 г. достигла 83,6 трлн руб. [2]. Бедность растёт особенно быстро среди людей пенсионного возраста. И всё потому, что на данном этапе в России минимальная пенсия не превышает минимальный размер оплаты труда 12 130 руб. в месяц. Поэтому мнение о том, что бедность концентрируется только в сельской местности, – заблуждение, как и предположение о том, что бурное развитие городской инфраструктуры станет поворотным этапом в борьбе с бедностью.

Долговая нагрузка домохозяйств других стран – участников ЕАЭС не стоит на месте. Если в 2018 г. задолженность белорусов – физических лиц перед банками составляла 9 млрд руб. [8, С. 104], то в октябре 2020 г. эта цифра достигла 15,6 млрд руб. [9, С. 104]. Есть высокая вероятность, что долги и дальше будут расти. Почти за два года долг белорусов стал больше на 5,5 млрд руб. В Армении в 2020 г. долг домохозяйств и вовсе перешагнул за 50 % от ВВП (53,6 %) [12]. Уменьшение процентной ставки привело к увеличению потребительского кре-

дитования и в Казахстане, которое вышло на первое место после ипотечного кредитования. Нет никаких сомнений в том, что политика безрассудной раздачи потребительских кредитов неэффективна в

борьбе с бедностью и может привести к перегреву экономики и обесцениванию национальных валют. Такой подход опасен и грозит крупными социальными потрясениями в странах ЕАЭС.

Таблица 1.

Численность бедных в странах – участниках ЕАЭС и соседних странах (в процентах от общей численности населения)

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	11,2	13,3	13,3	13,2	12,9	–	13,52
Беларусь	4,8	5,1	5,7	5,9	5,8	–	–
Казахстан	3,1	3,2	3,3	3,5	4,6	4,8	–
Армения	30,0	29,8	29,4	25,7	23,5	–	–
Кыргызстан	30,6	32,1	25,4	25,6	22,4	–	–
Узбекистан	13,3	12,8	12,3	11,9	11,4	11	–

Источники: Росстат, Статистический комитет Армении, Белстат, Комитет по статистике Республики Казахстан, Национальный комитет статистики Республики Кыргызстан, Государственный комитет Республики Узбекистан. По статистике – расчёты автора.

Требуется ли новая налоговая политика в ЕАЭС?

Некоторые экономисты (Э. Харрисон, М. Равальон и др.) [13, С. 40–52], утверждающие, что глобализация не имеет прямого отношения к бедности, неправы. По окончании мирового финансового кризиса, вызванного вспышкой вируса и ответными карантинными мерами, станет ясно, насколько сильно ослабились экономики стран мира. По сути, страны – участники ЕАЭС продолжают интеграцию в единое пространство, уже имея серьёзные финансовые

проблемы и высокий уровень бедности. Преодоление этих сложностей потребует выхода на новый уровень координации взаимоотношений между странами, входящими в ЕАЭС, в том числе и в области налогообложения. Определённые успехи уже достигнуты в гармонизации исчисления и взимания косвенных налогов в ЕАЭС. Всё это, конечно же, свидетельствует о серьёзности намеченного курса по унификации налогообложения, которая может стабилизировать не-

² Данные за сентябрь 2020 г.

простую ситуацию. Но есть на пути к интеграции налогово-бюджетной политики определённые трудности. Прежде всего это подходы к проведению налоговой политики. Объясняется это различиями в государственно-территориальном устройстве, системе администрирования НДС и т. д. Соответственно, налоги физических и юридических лиц тоже неодинаковы. ИПН в России и в Белоруссии – 13 %, а в Казахстане и Киргизии – 10 %. В Армении после перехода на плоскую шкалу налогообложения ИПН составляет 23 % от дохода. Печальнее всего, что отсутствует должная координация между странами – участниками ЕАЭС в вопросах налогообложения. Нередко именно это приводит к весьма забавным ситуациям. Как отмечают А. Ишханов и Е. Линкевич, трудовые мигранты часто облагаются НДС со стороны как страны происхождения, так и страны назначения [4, С. 121–122]. Но даже если при удачных обстоятельствах всё-таки удастся унифицировать систему налогообложения, то придётся ещё и менять её качественно. О необходимости возврата к прогрессивному налогу неустанно твердят многие маститые экономисты на протяжении многих лет.

До сих пор много непонятого в политике по отношению к состоятельным гражданам. На законодательном уровне разрешены многие схемы оптимизации налогов: аутсорсинг, аутстаффинг и лизинг в крупных компаниях, резиденты иннова-

ционных технопарков либо платят налоги по сильно упрощённой системе, либо вообще освобождены от их уплаты. Есть и более изощрённые схемы хищения государственных средств, такие как постройка частных технопарков за счёт государства. Выглядит очень странно и политика по снижению налогов для ИТ-компаний в условиях глобальной цифровизации. Во всяком случае, всё это наносит неопределимый вред бюджету страны. Из-за этого реальный сектор страдает от острого недофинансирования, снижается покупательная способность граждан, увеличивается несправедливость в обществе и т. д. Опасность кроется и в другом. Переезд таких частных или получастных технопарков за границу грозит утечкой мозгов, технологий и многим другим. Потребность во вмешательстве государства в качестве корректора (*market correction*) становится очевидной. Самостоятельно общество не сможет выйти из этой ситуации. Поддержания относительной справедливости в обществе силами регионального союза государств – участников ЕАЭС требует и демографическая ситуация. За последние годы прирост рождаемости очень низкий, особенно в РФ. Становится ясно, почему в этих условиях появление единого прогрессивного налога на всей территории ЕАЭС может в какой-то степени «разгладить» неравномерное распределение общественных благ и избежать более серьёзных последствий, связанных с увеличением бедности, коррупции и демографическим кризисом.

Заключение

Таким образом, в обществе складывается непростая ситуация: бедность растёт, но нет чёткого плана по борьбе с ней. В ЕАЭС не разработаны единые механизмы по борьбе с коррупцией, поощряются разные схемы, приводящие к оптимизации кадров, сокращению уплаты налогов и т. д. С приходом новой волны глобализации общество всё больше нуждается в государственном вмешательстве в качестве «блюстителя справедливости и порядка», чтобы восстановить отно-

сительное равновесие – где-то сохранить средний класс, а где-то способствовать его появлению. В странах – участниках ЕАЭС также требуется такое вмешательство. Единая политика по налогообложению и более справедливый прогрессивный налог на всё пространство ЕАЭС дали бы возможность сократить бедность и запустить положительную динамику развития, которая в конце концов привела бы к оздоровлению общества.

Список литературы

1. Гришина Е. Е. Динамика депривационной бедности в России // Вектор экономики: Электрон. науч. журн. 2019. Вып. 4. С. 1–10.
2. Долг нефинансового сектора и домашних хозяйств // URL: www.cbr.ru (дата обращения: 12.10.2021).
3. Евразийская экономическая интеграция – 2019 // URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/doklad-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-2019/> (дата обращения: 16.10.2021).
4. Ишханов А. В., Линкевич Е. Гармонизация налоговых систем ЕАЭС в условиях углубления экономической интеграции // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. Вып. 19. № 4. С. 119–126.
5. Мазоль О. Оценка бедности в Беларуси за 2019 г. // Beroc Policy Paper Series. 2020. No. 92. Pp. 1–10.
6. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза: январь – февраль 2020. Аналитический обзор 28 апреля 2020 г. // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 28.09.2021).
7. Преодолевая кризис. Экономический доклад по Казахстану. Всемирный банк // URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/301321595365279375/pdf/Kazakhstan-Economic-Update-Navigating-the-Crisis.pdf> (дата обращения: 03.10.2021).
8. Статистический бюллетень № 1 (235) / Национальный банк Республики Беларусь. Минск, 2019. 245 с.

9. Статистический бюллетень № 9 (255) / Национальный банк Республики Беларусь. Минск, 2020. 263 с.
10. Уровень бедности 2020. Статистический комитет Армении // URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=15005> (дата обращения: 11.10.2021).
11. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения: 03.10.2021).
12. Armenia's public debt grows by \$6 million over one month // URL: <https://www.armbanks.am/en/2020/08/20/130165/#:~:text=Armenia's%20domestic%20debt%20at%20the,the%20possibility%20of%20new%20funds> (дата обращения: 11.10.2021).
13. Harrison A. Globalization and Poverty // NBER. 2006. Working Paper 12347. Pp. 1–52.
14. Kaplinsky R. Globalization, poverty and inequality: Between a Rock and a Hard Place. Cambridge: Polity, 2005. 281 p.
15. Kuhn M., Schularick M., Steins U. Income and Wealth Inequality in America, 1949–2016 / Opportunity and Inclusive Growth Institute. Federal Reserve Bank of Minneapolis. Minneapolis, 2018. Pp. 1–66.
16. Pogge T. W., Reddy S. G. How not to count the poor // Debates on the Measurements of Global Poverty. Eds. S. 10. Anand, P. Segal, J. E. Stiglitz. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 42–85.
17. Poverty Overview. World Bank // URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/overview#3> (дата обращения: 16.10.2021).
18. Ravallion M. How long it will take to lift one billion people out of poverty? // The World Bank Research Observer. 2013. Vol. 28. Iss. 2. Pp. 139–158.
19. Sala-i-Martin X. The World Distribution of Income (estimated from individual country distributions) // NBER. 2002. Working Paper No. 8933. Pp. 1–68.
20. Vornovytsky M., Gottschalck A., Smith A. Household debt U.S.: 2000 to 2011 // URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2011/demo/debt-highlights-2011.pdf> (дата обращения: 16.10.2021).

KAMARI Daniel M. – Member of the Free Economic Society of Russia.

Address: 22 Tverskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation. **E-mail:** danikamari@mail.ru

Keywords: Integration, poverty, EAEU, taxation, progressive tax, deprivation poverty, loans, financial crisis.

THE EURASIAN UNION AND THE FIGHT AGAINST POVERTY

Annotation

The article is devoted to the problem of poverty in the Eurasian Economic Union (EEU). Relative successes in the fight against poverty were achieved in some countries (Russia, Kazakhstan, Belarus) in the early 2000s. In spite of this, after the global financial crises (2008–2009 and 2014–2015), the rate of poverty reduction slowed down. A common problem for EEU members obligates them to take a decisive step. One of these measures is probably the continuation of tax harmonization in the EEU.

References

1. Grishina E. E. Dynamics of deprivation poverty in Russia // Vector of Economics: Electronic scientific journal. 2019. Iss. 4. Pp. 1–10.
2. Debt of the non-financial sector and households // URL: www.cbr.ru (accessed: 12.10.2021).
3. Eurasian Economic Integration – 2019 // URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/doklad-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-2019/> (accessed: 10.16.2021).
4. Ishkhanov A. V., Linkevich E. Harmonization of the EAEU tax systems in the context of deepening economic integration // Bulletin of Volgograd State University. 2017. Iss. 19. No. 4. Pp. 119–126.
5. Mazol O. Assessment of poverty in Belarus for 2019 // Beroc Policy Paper Series. 2020. No. 92 Pp. 1–10.
6. On mutual trade in goods of the Eurasian Economic Union: January-February 2020. Analytical review on April 28, 2020 // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (accessed: 09.28.2021).
7. Overcoming the crisis. Economic report on Kazakhstan. World Bank // URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/301321595365279375/pdf/Kazakhstan-Economic-Update-Navigating-the-Crisis.pdf> (accessed: 03.10.2021).
8. Statistical Bulletin No. 1 (235) / The National Bank of the Republic of Belarus. Minsk, 2019. 245 p.
9. Statistical Bulletin No. 9 (255) / The National Bank of the Republic of Belarus. Minsk, 2020. 263 p.

10. Poverty level 2020. Statistical Committee of Armenia // URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=15005> (accessed: 11.10.2021).
11. The number of people with monetary incomes below the subsistence minimum and a shortage of monetary income // URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (accessed: 03.10.2021).
12. Armenia's public debt grows by \$6 million over one month // URL: <https://www.armbanks.am/en/2020/08/20/130165/#:~:text=Armenia's%20domestic%20debt%20at%20the,the%20possibility%20of%20new%20funds> (accessed: 11.10.2021).
13. Harrison A. Globalization and Poverty // NBER. 2006. Working Paper 12347. Pp. 1–52.
14. Kaplinsky R. Globalization, poverty and inequality: Between a Rock and a Hard Place. Cambridge: Polity, 2005. 281 p.
15. Kuhn M., Schularick M., Steins U. Income and Wealth Inequality in America, 1949–2016 / Opportunity and Inclusive Growth Institute. Federal Reserve Bank of Minneapolis. Minneapolis, 2018. Pp. 1–66.
16. Pogge T. W., Reddy S. G. How not to count the poor // Debates on the Measurements of Global Poverty. Eds. S. 10. Anand, P. Segal, J. E. Stiglitz. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 42–85.
17. Poverty Overview. World Bank // URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/overview#3> (accessed: 16.10.2021).
18. Ravallion M. How long it will take to lift one billion people out of poverty? // The World Bank Research Observer. 2013. Vol. 28. Iss. 2. Pp. 139–158.
19. Sala-i-Martin, X. The World Distribution of Income (estimated from individual country distributions) // NBER. 2002. Working Paper No. 8933. Pp. 1–68.
20. Vornovytsky M., Gottschalck A., Smith A. Household debt U.S.: 2000 to 2011 // URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2011/demo/debt-highlights-2011.pdf> (accessed: 16.10.2021).